

Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrsu.ru>

Выпуск 10 (№), 2025

Главный редактор
И. В. Львова

Редакционная коллегия
И. В. Львова

Адрес редакции
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.
E-mail:verba@petrsu.ru
<https://verba.petrsu.ru>

Колонка главного редактора

Рассказы

ЛЬВОВА Ирина Вильевна

ПетрГУ (Петрозаводск),
ilvovaster@gmail.com

Джудит Моррис

В то расшатанное, развинченное время, когда люди перестали ждать счастья, а ожидали одних неприятностей, когда быть живым уже было дерзостью, как и многие, я жила между отчаянием и надеждой. Я проводила дни в поисках работы. И вдруг удача отыскала меня: мне предложили прочитать курс лекций по американской женской прозе. Я немедленно согласилась. Америка влекла меня своей стремительностью, неоформленностью, юным своим мессианством. Мне легко было проявить солидарность с женщинами, уверовавшими в литературу, как недавно они уверовали в технический прогресс, справедливость и равенство, а еще раньше в романтическую любовь, церковь и кухню. Я думала, что быть женщиной — это вопрос формы, а не содержания, а содержание я и собиралась изучать.

Слушательницы мои оказались робкими девушками, стеснявшимися жить и тяготившимися необходимостью распоряжаться собою, они хотели немедленно отдать свою жизнь с ненужным ее беспокойством на что-нибудь полезное и доброе, на то, чтобы родить новую жизнь, которая будет сознательна и бодра. Мои страстные рассказы о женской цивилизации, об американских бунтарках оставляли их равнодушными. Не было ничего абсурднее, чем читать курс испуганным этим девочкам, к тому же у нас не было многих книг и они не знали английского.

Они верили мне на слово, старательно записывали мои рассказы в толстые тетради. С тем же усердием они записывали бы древние пророчества, откровения медиумов, сообщения от внеземных цивилизаций. Глядя на их круглые затылки, увитые косами, выстриженные ежиком, я думала, что когда-нибудь литературу убьют интерпретаторы. Они растащат ее на цитаты, используют в философских системах и исторических трактатах, остатки соберут в какое-нибудь пятничник, снабдив его многотомными комментариями, и люди, населяющие ее волшебные миры, перестанут жить среди нас, согревая наше одинокое существование.

Постепенно роль старательного комментатора чужих идей, образов, метафор стала угнетать меня, и те пустоты, которые оставляет в книге каждый писатель, я начала наполнять обрывками собственных снов. Безнаказанность искушала меня: я меняла освещение, расположение героев, усложняла тему, включала новый мотив, по-своему распоряжалась подробностями. Ни Оутс, ни Алис Уокер, ни Эми Тан не избежали моих фантастических интерпретаций, но очень скоро мне стало тесно в кругу известных фактов, тем, биографий, языка, и, не сдерживаемая никем, однажды я сказала тихим студенткам: «Следующая лекция о творчестве Джудит Моррис».

Почему у меня вырвалось это имя? Почему тотчас же я не обратила сказанное в шутку, не призналась в обмане, а напротив, стала думать о ней с тревогой и счастьем? Джудит Моррис — так звали мою свободу, мою планету, на которой за семь дней должна была сотворена жизнь.

Я никогда не бывала в Америке, и мне трудно было представить незнакомую жизнь с достаточным правдоподобием, а именно правдоподобия требовал мой сюжет. Я открывала Америку без навигационных приборов и сложных инструментов, у меня был только обычный нож моего воображения. Я отыскала северный штат в Новой Англии, чья среднерусская природа была мне знакома, и, открыв его, увидела летние травы, зеленые холмы, заросшие кленами и вязами, узкие пустые дороги, кружившие среди полей и пастбищ. Одна из них вела к лесу, и, пробежав метров пятьсот, останавливалась у дома Джудит Моррис. Сложененный из красного кирпича, с мансардой, увитой плющом, дом стоял среди деревьев у подножия холма, окруженный редчайшей, чистейшей тишиной. Это была разнообразная тишина: тишина трав и распускающихся цветов, тишина старых деревьев, тишина тропинок, июньских красок, тишина неба. Такую тишину человек ищет для не для утешения, а для мужественного размышления.

Я не знала, какое сильное впечатление заставило Джудит Моррис затосковать по этой тишине. Совсем недавно она уверенно двигалась в водоворотах большого города, знала все его неспокойные течения, не боялась его стремнин. И вот теперь она сидела у окна среди зеленой тишины июня, искала такой же тишины в себе, но душа ее, как бездумное зеркало, отражала только тишину цветущих трав, высоких облаков, а сама не знала покоя.

Джудит Моррис обладала даром, лишающим человека спокойствия и довольства собою. Она видела сны наяву и умела их записывать. Иногда в ее сновидение попадало солнечное пятно на половице или свежий запах жимолости, и тогда оно становилось живым и ярким, как настоящее. Иначе говоря, Джудит Моррис была писательницей. Есть писатели, которые следуют за темой, других ведут герои, третьих — язык. Джудит Моррис следовала за сновидениями. Ее истории были причудливыми, как сны, которые кажутся невероятными проснувшемуся человеку.

Прошло несколько дней с тех пор как сон о Джудит Моррис стал сниться мне. Я бродила по улицам, не замечая внезапного весеннего переполоха: ни свежего ветра, распахнувшего улицы, ни молодого солнца, разбивавшего стекла в домах, ни расцветавшего лазурного марта. Я видела сон о Джудит Моррис и в этом сне боялась ее потерять. Она уже обходилась без меня, жила как ей хотелось, писала, что вздумается. Мне она оставила незавидную роль комментатора книги, которую мне предстояло открыть и о смысле которой я лишь догадывалась.

Эта книга о женщина-страннице по имени Рут, которая разыскивает мужа, пропавшего на войне. Сюжет взят из древней истории. В ней говорится о соперничестве двух городов, закончившемся кровавой схваткой. Исторические факты оставляют равнодушными Джудит Моррис. Ей не интересна грубая механика власти. Она не говорит ни слова о политических интригах, случайных столкновениях, тайной вражде, не исследует скрытые силы, которые движут историю. Вместо этого она пересказывает подробности супружеской жизни с незыблеблемым ее распорядком: утренними хлопотами и вечерними трапезами, с запахами сохнущего белья, нагретого дерева, с ежедневным трудом и однообразием будней, со внезапной тоской надвигающихся сумерек, со внезапной нежностью. Характер Рут, застенчивый и упрямый, вырисовывается из этих мелочей. Мы видим и ее мужа Иону, авантюриста и насмешника. Он собирается на войну, как на веселую потасовку. В его облике нет ничего героического. Рут он кажется мальчишкой.

Джудит Моррис нарочно опускает описание сражения. Она не знает, что такое воинская доблесть, ей незнакомо упоение битвой, непонятен восторг, с которым истязают, потрошат человеческое тело. Она скромно сообщает о результатах сражения, перечисляет имена павших и тех, кто пропал без вести. В этом печальном списке есть имя Ионы. Далее тон повествования меняется. Он поражает сдержанностью. Вот Рут собирается на поиски мужа, вот она последний раз обходит дом, останавливается на мгновение, и после уходит не оборачиваясь.

Так Рут становится странницей. Путешественника гонит по земле любопытство, странника — печаль. Он томится неполнотою жизни, он надеется отыскать скрытую ее теплоту, для этого он вступает в борьбу с пространством и временем, каждый вечер терпит поражение, каждое утро возобновляет битву. Сначала Рут ищет мужа среди живых, потом среди мертвых. Так она оказывается в странной мглистой долине. Вдали, в пепельном сумраке, скрываются горы, к ним и идет Рут. Смертельная тоска настигает ее, когда она видит очертания этих гор.

Пересказывая роман кратким своим слушательницам, я хотела убедить их в разумности его устройства, которая будто бы доказывает его красоту. На самом деле нет более неразумного человеческого изобретения, чем роман: его логика обманчива, польза сомнительна, а знание внутреннего механизма не дает представления о его духе.

Роман Джудит Моррис был написан ради темной долины, сиреневых гор, ради смутного пятна, пропустившего из сновидения, по очертаниям которого мы узнаем о смерти. В сумраке молчаливых гор собирались слепые предчувствия, безнадежность, тревога, вся тоска, гнездящаяся в сердце. Здесь заканчиваются человеческие поиски и желания. Человек останавливается, чтобы затоптать страх, заглушить тоску, подавить тревогу. Но Рут идет и идет в бесконечной пустыне, и мгла окружает ее, не рассеиваясь и не сгущаясь.

Студентки терпеливо выслушали мою проповедь, весенний мой бред, подхваченный на шумных простуженных улицах, не задали ни единого вопроса и разошлись, краткие и равнодушие ко всему, что не представляло ближайшего для них интереса.

Я ждала вопросов, я предчувствовала разоблачение, я готова была защищать сновидения Джудит Моррис, собственные сновидения, полные горечи. Безразличие сразило меня. Я обманулась в своем обмане. Вечером меня настигло наказание за ложь: я слегла с температурой, и начавшаяся лихорадка расплавила границы правды и лжи, сна и яви; мне виделись падающие лестницы, рушащиеся мосты, убитые животные, меня несли на носилках по мертвой долине к горам, и я пробуждалась с именем Джудит Моррис на губах, с

именем бесстрашной Рут, — женщин, упрямо одолевавших тоску бытия.

Прошло время, я стала выздоравливать, и Джудит Моррис покинула меня. Никогда больше я не видела ее тихий дом, никогда не удалось мне дочитать роман о страннице Рут. А вскоре закончился мой американский курс, и я продолжала жить дальше, между отчаянием и надеждой.

Но недавно я услышала имя Джудит Моррис. Молодая полная женщина окликнула меня:

— Не узнаете? — сказала она. — Вы рассказывали нам о Джудит Моррис.

Я посмотрела на нее. В этом добром материнском теле невозможно было угадать очертания хрупкого боязливого ее девичества. Оно давно жило само по себе, обрастаю мягким женским жиром, давно в нем разогрета была печь для новых рождений и смертей, для слепого и жестокого усилия, с которым природа бесконечно повторяет себя.

Мне ничего не оставалось, как признаться в обмане, но женщина опередила меня. Она была шумной и говорливой:

— Вы знаете, я все время мечтала прочитать книгу Джудит Моррис, даже начала учить английский, а тут недавно смотрю — стоит на полке в магазине.

Она стала подробно рассказывать, как видела роман Джудит Моррис, когда была проездом в Торжке, даже назвала имя переводчика. Я было подумала, что женщина меня разыгрывает, но она оказалась просто фантазеркой, наверное, иногда она видела сны наяву.

— Я часто вспоминаю колледж и ваши лекции. И тот день вспоминаю, когда вы рассказывали о Джудит Моррис. Весна, солнце, вы, в желтом костюмчике, говорите про ее роман, а я вдруг словно проснулась и думаю, как все хорошо и как я счастлива.

Мы расстались. Женщина уходила в свой ясный мир, на обочине которого, как причудливый цветок, незаметно жила Джудит Моррис. Я тоже поспешила вперед. Таинственность мира по-прежнему манила меня.

Еще короче

Остается бумага

Остается бумага, для того и созданная, чтобы терпеть, чтобы сносить несовершенство скребущего по ней пером, участвовать в его детской игре в слова, утешать, усмирять — все, что захочет.

Чистый лист бумаги всегда наготове прошуметь перфектами и имперфектами — вот ответ на вопрос, как жить дальше. За листом бумаги — безмолвная планета без названия.

Жили- были

Они жили, были, не роптали, наверное, не гневили Бога, по утрам рано вставали, в темноте шли на работу. Беспамятству дня они предпочитали беспамятство ночи; укладывали спать детей, устало ссорились, устало молчали; убегали в языческий мир телевизора, прятались в интернете, жили дальше, замечая изменения цен, моды, но жизни не замечая. Или это и была жизнь: дождь за окном, сырья мгла без добра и зла, особой радости и печали, а за этой стеной где-то существовал Бог, не гневаясь на них, может быть, просто — не замечая.

Мир подобен

Мир подробен. И каждая подробность имеет свою подробность – в этом причина тоски всех странствующих поэтов. Они оставили дома таблицы умножения, а дерзкие стихи не терпят примечаний. И слово опять мало и беззащитно. Улетает на крыльях любви.

Эта странная покорность вещей

Эта странная покорность вещей. Каждая встречает судьбу без сопротивления. Камень лежит у дороги. Бруск подпирает крыльцо. Ведро стоит за порогом. И так до скончания времен в молчании, в слепом ожидании перемен, одинаково необъяснимых и по сути ненужных. Бруск лежит у стены. Перевернулось ведро. И камень катится вниз по склону.

Мощь

Где есть поверженные, там появилась мощь. Вот они у земли, в земле, смешанные с прахом. Как сказано – горе побежденным. Мощь бряцает оружием, выпрямляется, наливается кровью. Кто спасет ее от ее правоты? Кто убаюкает, скажет: «Не бойся, это только мышка шуршит у печи»?

О, эти нежно раздувшиеся это

О, эти нежно раздувшиеся это, как широкие наволочки на ветру! Причудливые, устрашающие, смешные – парящие над бельевой веревкой, опадающие в хозяйских руках.

Как за ворота

Порой в смерть выходят как за ворота, на минуту: какая жалость, счета не оплачены, договор не подписан, обед в холодильнике, а его больше нет.

Битва жизни

Все враги повержены, друзей разметало время. Чем тогда была битва жизни? Где поле, на котором вершатся поединки добра и зла? Или это только ступенька в переполненном автобусе, где ждут, пока не выйдут другие?

Все исчезает, даже воспоминания

Все исчезает, даже воспоминания, хотя, казалось, им не будет сносу. Порой появляется мужество. Умение молчать. Когда-то не было ответов. Теперь – вопросов. Осталось только ожидание: не перемены участи, а перемены тона, с которым рассказывается все та же история.

Сколько зим, сколько лет

Всегда найдутся те, кто посчитает: сколько зим, сколько лет – и тотчас приложат цифры по размеру. Хотя ничего не покупаешь. Не ждешь наград. Все, что дают, всегда не по росту.

Судьба

Судьба по-своему деликатна. Она не подкашивает сразу. Не рубит сплеча. Ее поступь сначала легка: намеки,

предостережения, предчувствия. Мягкая солома событий выстлана ею, чтобы после – сбросить огромный камень на приготовленное место и уйти, тяжело громыхая.

Кошка

Ходит по своим тропинкам, двигается по собственной орбите, подчиняется зовам, которые слышны только ей. В человеческий дом, с книгами, телевизором, посудомоечной машиной, она зашла случайно, и осталась в нем навсегда.

Невозмутимая, неподвижная, как буддистский монах, она медитирует часами, издалека наблюдает за кружением людей, за хлопаньем дверец, скрипом, гуденьем, молчанием. Тишина изучена ею досконально.

Когда же усталость побеждает людей, а с ними их амбиции, продуманный порядок, их сомнения и победы, их добро и зло — кошка выпрыгивает из кресла, проходит по дому, где она хозяйка.

Никаких комментариев к увиденному. Ее движения полны достоинства.

Ого, как было грустно

Ого, как было грустно, а причина, казалось, одна — осень. И хотя пока никто еще не называл ее по имени, но на улицах уже торговали толстыми золотыми тыквами, осенней ягодой, грибами — и грустное это изобилие было лишь другим названием осени.

И как незаметно все переменилось: будто кто-то рядом опрокинул ведро грустной краски, и ясная летняя перспектива вдруг пропала. Будто все смычки тотчас встрепенулись и разом заговорили о разлуке. Все исчезает — вот мотив, на который всегда отзыается души. Исчезнут налитые солнцем травы, пропадет теплый запах нагретого дерева и счастливая голубизна высокого неба.

И как было грустно — внезапно, без причин, только оттого, что жизнь уходит незаметно в темноту, а в ней также сладость и та же горечь. И вот еще плод, созревший к холлам — одиночество. Теперь каждому дано ощутить его тяжесть и полноту.

Весна

Эти весенние дороги как открытые раны: в лохмотьях снега, в ледяных струпьях. Так рождается мир, в слизи и грязи, так обретает смертную форму. Под крики чаек, под вопли ужаса и счастья, в судорогах продолжается жизнь. Мы идем мимо человеческим маршрутом. Уличный скрипач врезает в сердце печаль тысячелетий.

Скоро мы поселимся смиренно в открывшихся низинах, мясом прирастем к новой плоти мира, назовем его, наполним добром и злом, оживим человеческим словом, полагая, что в этом и есть наша участь, не лишенная смысла

Хорошие времена

Все зарастает в ожидании хороших времен. А они не приходят. Их видно издалека. Из будущего, обернувшегося назад. И холодный июль, и заросший сад становятся музыкой счастливых времен, когда был свободен и чуть-чуть влюблен.

Женщина отложила газету

Женщина отложила газету, чтобы включить приемник — прелюдии Баха, о которых она тотчас забыла,

пересказывая мне фантастический роман. В нем говорилось о людях, восстанавливающих образ нашей цивилизации по рекламным оберткам. Незаметно мы оказались перед зеркалом, и нас волновало, как мы выглядим.

На женщине – голубые джинсы, короткая куртка. Ее тело длинно и узко, как тело подростка. В голосе звучит радость весеннего утра. Сегодня ее портрет вправлен в рамку вечности.

Настроение

1 Бессолнечными днями каждый развлекает себя как может. Кто-то неотложными делами, кто-то тем, что отложит все и начнет считать, как убегают одна за другой минуты. А, сбившись со счета, начинает снова, сетяя, что напрасно проводит время.

Пасмурные дни лучше проживаются залпом, в безделье, когда висишь между днями тонкой сосулькой, блистая и тая, не зная кто и зачем, живёшь или нет, но дремлешь, невидимый свет отражая.

2 После грозы все кажется притихшим, и люди тоже идут осторожно, переговариваясь вполголоса: мир слишком нов, чтобы его расслышать. Сначала мечтают о любви, потом – о расширении сознания, но мечты, по счастью, не сбываются. После грозы сразу не понять, что кончилось, что началось и что продолжается от века.

3 Столько ударов, и все — в сердце.

Обещания: тебя утешат — но завтра. Справедливость восторжествует — но чуть позже. Исторические примеры: кому здесь было хорошо при жизни? Комментарии: что тут скажешь?

А пока. Ничего, ничего, никак. Потерпим, переживем, все может быть. Что уж, спасибо и на этом. Все-таки живы. Не так чтобы совсем, но еще можно сказать, где болит.

Говорите, по-другому не бывает? А разве мы надеемся?

В общем, простите, что были и участвовали. Подставляли другую щеку. Напрасно. Столько ударов, и все — в сердце.

4 Что я? От него устаешь так же, как от «ты» и «мы», а еще есть «они», и им тоже больно. «Я» вездесуще, просвечивает в словах, вещах, даже в безмятежном закате, цепляется, цепляет все, что находит нужным и ненужным. Ему то плохо, то очень плохо, и везде оно рядом: и когда просыпаешься утром, и когда говоришь о любви, и когда думаешь о смерти. о как оно умеет прорастать во всем, что знает, уивает, тянется ввысь и вширь, заполняя собою время.

5. Рассказать о жизни? Установить последовательность, нанизывая событие на чувство, цвет на звук, слово на слово? Выдумать раствор, который скрепит распадающееся время? Ты хочешь этого? Или позволишь мне беспечно странствовать по жизни и вернуться без гроша в кармане, с легким сердцем, не знающим страха?